

Владимир Зоря
**ДАМСКОЕ
ТАНГО**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Зоря
Дамское танго

«Автор»

2026

Зоря В.

Дамское танго / В. Зоря — «Автор», 2026

Сборник рассказов Владимира Зори — это десять историй, в каждой из которых обычная жизнь оборачивается чем-то большим: тихим откровением или внезапным испытанием. Автор не навязывает готовых выводов, а даёт читателю право самому додумать, что стоит за словами героев и паузами между ними. Здесь переплетаются многослойные сюжеты и глубокие философские смыслы. Проза Владимира Зори сдержанна по тону, но точна в деталях: именно они делают истории узнаваемыми и пронзительными. Если вы ищете прозу, которая не отпускает после последней страницы, заставляет возвращаться мыслями к прочитанному, — этот сборник для вас. О себе? Родился в г. Чистяково Донецкой области Украины. Геолог. Шахтер — бывший. Меланхолик, но оптимист. Любимый фильм — «Жил-был пёс», книга — «Ван-Гог. Письма». Любимая мелодия — «Элегия» Массне. Ещё люблю рисовать картины, но мысленно. Люблю такую привилегию, как одиночество. Люблю любить.* Все иллюстрации творчество автора.

© Зоря В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дума про атамана	5
Мёртвая петля	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Зоря Дамское танго

Дума про атамана

Рисунок автора

— Любо, братцы, любо...
Любо, братцы, жить...

Песня была созвучна и унылому однообразию выжженной степи, и подавленному настроению Махно... Сидя в своей коляске, он неотрывно смотрел в небо, где, привлечённый блеском его очков, парил одинокий ворон.

«Вот так же кружит где-то близко и Котовский». Махно был наслышан о его зверствах и чувствовал кожей, что пути их сходятся всё ближе.

— О... — он задумчиво покачал головой и заиграл желваками, — рубка будет кровавой.

Ураганный ветер перемен пронёсся и над этой богом забытой станцией, оставив повсюду свои следы: сожжённую водокачку и разграбленное депо, наполовину вырубленную полосу старых акаций вдоль шляха, за которой пытался укрыться со своими соратниками Махно.

Частая смена власти одурманила головы обывателей близлежащего местечка, но зато развила у них чувствительность других частей тела. Сидящий на рельсах — возле станционного сортира, чтобы не привлекать внимания — подкупленный стрелочник украдкой начал сигнализировать флажками. Но что-то в нём не нравилось Махно. «Уж очень старается, не перекуплен ли Котовским?»

Увидев условные знаки, разношёрстная толпа в засаде зашевелилась — приближался эшелон. Атаковали молча, на ходу цепляясь за подножки и отталкивая друг друга локтями. Махно первым оказался на вагоне и тут же принялся за дело.

Когда операция уже заканчивалась и, казалось, опасность позади, раздался душераздирающий крик:

— А ну, бросай мешки! Я Котовский!!

Махно сжался и осторожно поднял близорукие глаза. Над ним угрожающе раздувал уса-тые щёки тщедушный мужичок, по случаю жары в майке и, почему-то, в танковом шлеме. От безысходности, как человек, которому уже нечего терять, Махно начал возмущаться:

— Позвольте, а почему вы не по форме одеты? Я буду...

В следующее мгновение Котовский откуда-то из-за головы, как ниндзя, с кошачьим визгом выхватил резиновую дубинку, и на спине Махно будто плеснули кипятком.

— Ой, ё... лки-палки...

— Товарищ лейтенант, вам помочь? — раздалось снизу, и Махно подумал: «Их тут целая банда...».

Суежливо вытряхивая мешок, он всё же ухитрился оставить в нём пару кусков угля. Затем повернулся и молча полез из вагона, шевеля лопатками под полувоенной рубахой, как будто там бегали блохи. «А предчувствие не обмануло», — мелькнула мысль. Последнее, что он увидел краем глаза, были бутылки, которые совали Котовскому в специальную, замаскированную под его милицейские штаны, сумку на поясе. Спускаясь по песчаной насыпи, жаждущий мести Махно тихонько завыл:

— В атаку... За мной... Ура-а-а!!

— Что ты скулишь опять как пёс? — укусил чей-то раздражённый голос.

И Махно, с досадой швырнув мешок в пустую коляску, тронул её с места. Тачка сразу закричала всеми тремя своими колёсами, наводя на окружающих ещё большую тоску.

Станционное здание с облупившейся штукатуркой осталось позади. Теперь Махно шёл вдоль высокого, покрытого угольной пылью бетонного забора, за которым располагался «секретный объект». Чтобы туда заглянуть, представители районной администрации даже подпрыгивали на крышах своих автомобилей, хотя ни для кого в округе не было секретом, что именно привозили на объект огромные самосвалы и вывозили в соседние страны большегрузные фуры.

В местечке поговаривали, будто корреспонденты газеты «Прожектор перестройки» даже пытались совершить под бетонную стену подкоп, но всё было тщетно.

Махно не был любопытен и думал сейчас о другом.

Нет, не его это призвание — на поезда нападать. Эти побои, этот ежедневный, унижающий достоинство страх... «Всё! Теперь начнется жизнь, наполненная смыслом: одухотворённая, по совести... Утром зарядка, вечером отбой... Вот заработаю как-нибудь денег... А как?» — Махно даже остановился.

Он приблизительно подсчитал, сколько нужно на уголь, и между лопатками опять зачесалось. А воображение рисовало: зима, в доме ледяной холод, костлявая рука голода вцепилась в детское горлышко... Что-то похожее на это он сегодня уже видел. «Так Котовский схватил бутылку самогона. А почём сейчас сахар? Нет — дорого. Что же делать?! Что же...»

Лишь сейчас он обратил внимание на стену, которую облепили, как мухи, жирные буквы: «Купим за очень большие деньги натуральные не седые волосы от 25 см. Только один день проездом в клубе шахты...»

Такими листовками уже давно был обклеен весь городок, и жена Махно говорила, будто это чей-то дьявольский замысел. Якобы этим текстом зомбируют, постепенно приучают людей к алчности, к деньгам, как к наркотикам; и в дальнейшем каждый будет готов пойти из-за них на любое преступление.

Махно быстро посмотрел по сторонам, затем по-бараньи нагнул голову и разведёнными пальцами, скосив глаза, стал замерять длину волос. Седых совсем мало — можно и повыдёргивать. До заданной длины не хватало всего два-три сантиметра. А на макушке были бы все двадцать пять. Но что подумают его бывшие ученики, когда увидят лысым? Раньше Антон Карпович Махно был школьным учителем по труду, но его сократили, решив, что этот предмет теперь не нужен.

«Неужели гипноз начал действовать? — он будто очнулся от наваждения и поспешил домой, — может, на "Поле чудес" ещё успею...»

* * *

Во дворе навстречу хозяину радостно бросился Серко.

— Ну, давай ещё целоваться будем... — недовольным тоном осадил его Махно, и пёс, опустив голову, побрёл в конуру.

«Шкура толстая, как у бегемота. Никаких тебе забот», — позавидовал он собаке. И, осторожно открывая дверь в дом, спохватился: «А где же цепь? Ну, это мог только свой... Конечно, сосед уже отнёс в приёмный пункт».

— Батька! Уголь принёс? — басом спросил лобастый крепыш лет шести.

— Вовка, ты как отца называешь?! — из тени вышла озабоченная хозяйка, и раздалась звонкая затрещина.

— О, ё-ханный бабай! — Вовка набычился и машинальными движениями начал выщипывать из головы короткую рыжую щетину. Он занимался этим довольно часто, когда задумывался, и надо лбом уже образовалась небольшая лысина. Поначалу родители пытались отучить его от этого детского греха подзатыльниками, но всё было напрасно, и они смирились.

— Да ладно, Лена, пускай называет, — Махно положил на шишковатую голову сына тяжёлую ладонь.

«Где жене понять романтическую мужскую душу...»

— Ну что, дождался рынка? — миловидная усталая женщина подседа к столу и стала ласкать мужа взором.

Махно напрягся и потупился.

— Пиво покупаешь в любое время суток, как и мечтал, да?

Махно внимательно рассматривал Вовкин затылок.

— И нигде никакой очереди?! — продолжала она радостно удивляться. — Напился? Вкусно?

— Ну, Леночка, интеллигенты ведь всегда шли на жертвы ради свободы. Нужно подождать ещё. Ты ведь знаешь, что демократии сотни лет строились.

«Что за пятно у Вовки над загривком? Неужели от рождения? А может, набили? Знакомый силуэт...» — крутилась мысль у него в голове. На затылке сына в родимом пятне Антон Карпович увидел вдруг фигу. Почти такую же, как на лбу у Горбачёва. Только у генсека кукиш смотрел справа налево, а у Вовки — слева направо.

— А что... — не успел Махно раскрыть рот, как сын пулей вылетел в соседнюю комнату и тут же вбежал обратно, держа на плече резиновую палку.

Махно привычным движением, как боксёр в глухой защите, закрыл голову руками, но Вовка пробежал мимо и небрежно бросил на кухонный стол кусок электрокабеля. Махно размахнулся, чтобы дать сыну затрещину, но Рыжий в последний момент наклонил голову, и Антон Карпович только ушиб об угол комода пальцы. «Затылком видит, что ли?»

— Тебя же могло убить током! Знаешь, сколько на электрослесаря нужно учиться? Учиться, учиться и ещё раз учиться! Ты где это взял?!

— Нашёл возле дырки в земле, — пробасил Вовка.

— А в дырке что было?

— Мужики матерились.

— Ну ладно, беги поиграй на улице, — натянуто улыбнувшись, Махно легонько подтолкнул сына к выходу.

Остановившись в дверях, Вовка обернулся и пробурчал:

— Там, под поливинилхлоридным пластиком — металлокорд, — затем, выдернув из головы пару щетинок, строго добавил: — А заземляющую медную жилу не трожь! Она моя! — и не спеша вышел.

Оробевшие родители переглянулись. После этого Махно шваброй достал из тайника под диваном учебный слесарный инструмент, протёр от смазки и... работа закипела.

— Помнят, Лена, руки-то, не забыли... — и довольный, прикидывая, сколько он сможет выручить за алюминий, тихонько запел свою любимую:

— Любо, братцы, любо...

Любо, братцы, жить.

С нашим атаманом

Не приходится тужить...

* * *

Чёрный «ауди» по-пороссячи завизжал тормозами и замер, как вкопанный. На отполированном капоте волчком вертелся напоминающий гранату небольшой булыжник.

Сосед Махно — угольный бизнесмен Шубин, по кличке Добрый — бросил руль и схватился за пистолет, но стриженная рыжая голова через мгновение уже затерялась среди цветущих подсолнухов.

— Нинель, чей этот выбель... мальчик?

— Тебе шо, Лёнчик, повылазило? — чуть не плача, жена Шубина тёрла ушибленный о стекло лоб. — Чей... Ленин!

* * *

Наступал XXI век.

Народ опускался на следующий виток развития.

Подташнивало.

2000 г.

Мёртвая петля

Рисунок автора

На затерявшейся в донецких степях шахте "Заря коммунизма" заканчивалась первая смена. Микола, по прозвищу Корейский лётчик, пятерней, так, что шлёпнула нижняя губа, вытер катившийся из-под фибровой каски пот и обречённо, как на кресте, повис на угольной лопате.

— Ко-ко-ко-ко... — застучали у него в висках молоточки, и налетевшие куры, оттесняя одна другую, стали жадно выклёвывать из разбросанного навоза жирных розовых червей. Прощедшая, было, тошнота опять подступила к горлу. Огненно-рыжий петух, со свирепым видом прибежавший наводить порядок, до того напоминал своего хозяина, начальника участка Горбузаря, что Микола под вопросительным взглядом круглого петушиного глаза снова взялся за лопату.

«И дома навоз, и на работе навоз... — он сосредоточенно, как дегустатор поплямкал губами, — та чи и в роти гимно? И выпил же вчера на «гусак» [1]¹ меньше пол-литры. Говорил же — не идёт... Привы-ы-кнешь — привыкнешь... Третий год уже после армии привыкаю, а всё тошнит и тошнит. Може, и вправду, как говорит Вася Мосин, сходить на Кабанячий к бабке полечиться от нудоты?»

Если было на Земле пекло, то в этот день оно располагалось на горбузаревом огороде возле красного, пышущего жаром террикона. Казалось, солнце остановилось над старым сго-

¹ «Гусак» — выданная начальником тут же, после смены, заранее оговорённая премия за определённый объём работ.

ревшим отвалом. Разгневанное дерзостью этих жалких муравьёв, осмелившихся в соперничестве с ним добывать огонь и свет — оно решило поднапрячься и показать всю свою великолепную силу.

А люди всё глубже зарывались в землю и за долгие годы каторжного труда действительно стали ощущать себя муравьями. Они всё реже смотрели на небо. В каком-то неистовом азарте отдавали здоровье и даже жизни за блестящие чёрные камни, которые эшелонами едва успевал куда-то отвозить пыхтящий паровозик. Будто огромное ненасытное чудовище пожирало всё это, требуя ещё и ещё.

Вскоре паровозный дым растаял в вылинявшем небе, и лишь визг циркулярки, доносившийся с лесного склада, изредка нарушал тишину. В посёлке, раскинувшемся в сонном оцепенении по склону кряжа, жизнь почти замерла.

Колёса шахтного копра в паутине канатов покрутились в одну сторону, в другую и, как шестерни испортившихся часов, остановились вовсе. Теперь неподвижный пейзаж лишь слегка оживляла медленно, как жук, ползущая на террикон вагонетка. Пахло горевшей серой и креозотом. В знойном мареве среди зелёных садов лениво покачивались черепичные крыши домов. Ниже, улицы стекались в глубокую, манившую прохладой балку, на дне которой среди величавых верб и изумрудных капустников блесстел ручей. Дальше он терялся в дубовом байраке, появляясь серебряной полоской среди леса уже почти на горизонте, в окружении каких-то сказочных строений. Там, почти в другом мире, в своей лесной республике жили люди, которых ещё только учили быть послушными. Они часто смотрели на сверкающее бриллиантами небо, не догадываясь, что потом об этом забудут. Только некоторым будет казаться, что такое небо они видели во сне. Там жили дети.

Тем временем земля раскалилась, как сковородка. Насытившиеся куры дремали в тени под старой грушей, и даже неутомонный петух время от времени клевал носом, но тут же встряхивал головой и продолжал следить за Лётчиком осоловелыми глазами. А тот с неживым лицом, как лунатик, всё носил и носил на лопате с очередной кучи тяжёлый, вязкий навоз. При этом двигался так, будто на голове у него стоял сосуд, доверху наполненный драгоценной жидкостью. При каждом шаге, в животе, раздувшемся от выпитой воды, булькало, а мокрые от пота на босых ногах чуни издавали такие неприличные звуки, что он время от времени незаметно, по-разведчески, озирался.

"Знав бы, шо такой наряд дадут — обув бы дома «спортсмены». Ещё и грабарку самую большую дали. Чи породной лопаты нету? — Микола хотел возмутиться, но было больно напрягать мозги и он успокоился. — Та начальству ж виднее..."

На углу, где под развесистым тополем разместился скобяной магазин, звякнула щеколда. До Лётчика донёсся неизменно довольный голос Петьки Наливайко, соседа и приятеля:

— Дорофеевна, забодай тебя комар, политура есть? А то на пианину трохи не хватило.

На всякий случай, чтобы его не было видно с дороги, Микола присел у забора. Перерыв в магазине закончился, значит, до конца смены ещё час. А в шахте сейчас хорошо... От воспоминаний о том, как продрог вчера с мокрой спиной ожидая «карету»^[2] на-гора, ему стало легче.

— Ме-е-е-лу, бабы. Бабы, ме-е-е-лу...

² «Карета» — транспортное средство для шахтёров. Вагон на канате в наклонной выработке.

Внезапно раздавшийся протяжный крик эхом разносился над посёлком и нахально проникал сквозь закрытые ставни в дома. Между штакетами забора Микола увидел телегу, которую тащила, кивая лохматой головой при каждом шаге, гнедая кобыла. На телеге, свесив ноги в хромовых, собранных в гармошку сапогах, полулежал бородатый цыган. Изредка от скуки он щёлкал кнутом по конскому крупу, и тогда над дорогой после экипажа оставалось висеть белое облачко мела.

Миколу вспомнился цыганский табор, стоявший когда-то в степи за их хутором. Молодая цыганка с бархатными глазами нагадала ему встречу с красавицей и большие хлопоты. Сказала, что выбьется он в люди: станет лётчиком, и будет ему счастье. Тогда в предсказание цыганки он, как комсомолец, не поверил, но её слова где-то глубоко в нём засели. Что он не такой как все, Микола и сам знал давно, скрывал ото всех, но иногда, спьяну, проговаривался: "Я ещё покажу вам мёртвую петлю Нестерова" (третий год подряд он собирался ехать поступать в Казанский авиационный техникум).

Вот и хлопоты, хотя не с красавицей, но уже начались. Кто знает, отчего дебелия, разбитая откатчица Раюха выбрала невысокого и скуластого, слегка неуклюжего машиниста электровоза. Иногда после «бутылка» ноги сами приводили его в Раюхин флигелёк на краю посёлка, но когда при последней встрече она заговорила о замужестве, Микола запаниковал.

А вообще-то цыган он недолюбливал. "Не хотят работать, как все, хитрят. Вон, лежит, кнутом поигрывает... Не выработанный, шо ему... Спекулянт. Тьфу! — Микола в сердцах почти переплюнул через губу и встал. — Обработывай вас тут..."

Наконец зазвучал долгожданный гудок, но Лётчик отнес лопату старой Горбузарихе только, когда на огороде не осталось ни одной кучи. На душе, как снежный ком, росла глухая обида, не понятно на кого.

Уже уходя, он повернулся к петуху и, сделав пальцами козу и страшное лицо, копируя Васю Мосина, прошипел сквозь зубы:

— У, пет-тух Гамбургский...

На что тот недоуменно повертел головой, но, не увидев за собой никого, склонил её набок и удивленно поднял бровь.

* * *

Помывшись кипятком в переполненной бане, Микола вышел из комбината в парилку нескончаемого дня. Посматривая, чтобы не попасться на глаза Раюхе и готовый в случае чего спрятаться за ёлку, посвистывая, будто невзначай он прошёлся вдоль Доски почёта. Перед последним портретом, который никто, кроме него самого не опознавал и к которому ещё сам не успел привыкнуть, Лётчик замедлил шаг. При съёмке, чтобы не походить на корейца, слегка косящие в стороны глаза он свёл к переносице и выпучил так, что его чуть было, не покусала болонка фотографа. Пересниматься же наотрез отказался, в результате чего дорожащий своей репутацией мастера, Зяма Моисеевич в тот день напился, как сапожник.

Дома Миколу ждали нечищенный коровник и ещё тысяча дел, а он всё стоял в тени поникшей березы. Было противно и тоскливо. С болью представил сочувствующие и одновременно осуждающие глаза матери. Хотелось исчезнуть, раствориться... Заблудиться в лесу и, может быть, даже умереть с голоду. И он пошёл туда, куда указывал стоявший напротив, напудренный бронзой Ленин. Выйдя на дорогу, замешкался, и тут же попал под колесо с трактора «Беларусь». Благо, оно было без покрышки: огромную камеру катили на пруд два пацанёнка.

В лесу звенела мошкара, весело щебетали птицы, но Лётчик ничего этого не замечал. Обходя встречающих людей, не разбирая дороги, он упорно брёл в заданном направлении и спустя час, весь в паутине и репьях, с шумом вывалился на прогалину. Тотчас же на его голову обрушилась лавина звуков, в которой было всё: детские крики, песни, женский смех, кваканье лягушек, всплески воды... Перед ним в балке, во всей своей предвечерней красе искрился пруд. По зеркальной глади неспешно скользили прогулочные лодки, а склонившиеся с берега серебристые ивы зачарованно любовались собственным отражением.

Постепенно в хаосе звуков он стал различать отдельные слова. Было слышно, как на детском пляже возле пионерского лагеря, где вода бурлила от загорелых маленьких тел, кричали голосистые вожатые:

— Отряд Павлика Морозова, будьте готовы!

— Всегда готовы!

— Топорков! Не выплывай за флажки! Дощечкина! Держи Топоркова!

Из репродуктора дома отдыха разносилось над прудом и множилось эхом:

— Ой, рябина кудрявая...

Заглушая «Рябинушку», подвыпившая компания за кустами старательно выводила:

— И в забой отправился парень молодой...

От одной только мысли о водке у Миколы сжались челюсти, и вспотел лоб. Шершавый, как рашпиль, язык прикипел к нёбу. Хотелось пить. На противоположном берегу, до которого в этом месте было рукой подать, в конце небольшой набережной работал буфет, но у Лётчика не было денег. Среди смакующих пиво, по плечистой фигуре он узнал известного в посёлке злого тунеядца, стилиста и спортсмена-индивидуалиста Жоржа. "Где же справедливость? Жорж не только пил сам. Он ещё угощал какую-то даму в брюках. А где же каждому по труду? Если кое-кто будет так соблюдать моральный кодекс строителя коммунизма, когда ж мы тот коммунизм построим?"

От нечего делать Микола полюбовался скульптурой в центре набережной. Огромную бетонную, с надутыми щеками рыбу, стоящую на хвосте, обнимал свежeweбеленный мальчик. От этой группы уходила вверх и терялась среди высоких ясеней неширокая, с лепными перилами лестница. По ней уже потянулись в столовую и на танцплощадку отдыхающие. Однако на парковых скамейках немало публики ещё оставалось понежиться в предзакатных лучах солнца. Внимание Лётчика привлек солидный мужчина в полосатой пижаме с полотенцем на шее, оживлённо жестикулирующий перед спутницей. Микола знал, что дом отдыха этот — всеобщего значения, и смотрел на людей за прудом во все глаза, как на иностранцев.

"Городски-и-е... Наверно в театры ходят, оперы слушают... А!.. Притворяются друг перед дружкой, что нравится."

Сразу потеряв к ним интерес и ещё острее почувствовав свое одиночество, Микола, как Алёнушка, горящая перед омутом, надолго устался в воду. Когда же в последний раз здесь был? Наверное, когда всей школой собирали жёлуди, и он набрал больше всех в классе. Тогда ему подарили интересную книжку "Тимур и его команда", и Миколка гордился своим вкладом в то, что сыты районные свиньи. А бесполезное времяпрепровождение он не любил и поэтому не бывал здесь даже в отпуске. Ставок у них на хуторе был свой. Правда, на его берегах росли только тёрн и шиповник, а купающиеся коровы оставляли после себя много оводов и мух, но зато он с детства оставался родным и привычным.

— Извините, пожалуйста... Там, на тропинке, сидит большая лохматая собака. Не вы её хозяин?

«Нет», — хотел сказать Микола, но сумел выдать из горла лишь какое-то мычание. Перед ним стояла девушка с ТОГО берега. Таких красавиц он видел только в кино.

— А вы не могли бы проводить меня до дома отдыха, а то я такая трусиха...

— Я? Да, конечно, идёте... Но у меня карман пахнет колбасой... (Зачем я это ляпнул?) — Я брал с собой в шахту, а собака может учуять и напугать вас (шо я кажу, она ж може подумать, шо я боюсь собаки).

— О! Вы шахтер? Я впервые вижу вблизи настоящего шахтера. У нас ведь, в Москве, только метростроевцы. Какая мужественная у вас профессия! А вы Стаханова видели? А вам там не страшно?

— Когда, допустим... крыса тащит из кармана колбасу... копченую (опять я с этой ковбасой!) то мне, конечно, не страшно, только...

— Ой! Какой ужас!

Девушка сделала круглые глаза и приложила обе ладони к смуглым щёчкам. Теперь Микола окончательно смутился, но незнакомка пришла ему на помощь:

— Вас, кажется, зовут.

Он обернулся и увидел у берега вибрирующую крупной дрожью дюралевую лодку, на носу которой стоял бригадир с третьего участка Обезжиренный, он же радиолюбитель с позывным "Чёрный принц". Вытаращив глаза и извиваясь всем телом, под песню "О голубка моя" он хаотично махал руками, напоминая сигнальщика на мостике корабля. Его худые ноги, торчащие из черных «семейных» трусов, старательно прижимали к лодке товарищи по бригаде, будто боялись, что Обезжиренный взлетит.

Микола лихорадочно соображал.

— Да, зовут... Мы отплываем. В ночную смену идем на рекордную добычу.

— О, как обыденно и скромно вы об этом говорите! Ну, не буду вас больше задерживать. Вон, кстати, и тётя моя идет. А вы непременно должны мне завтра рассказать о вашем героическом труде. Даёте слово?

— Да... — растерянно выдохнул Микола.

— Давайте после ужина здесь, к семи... До завтра?

Улыбнувшись на прощанье, девушка резко повернулась и, окатив его волной аромата, легко побежала по тропинке. Микола стоял ошеломлённый. Неужели всё это было на самом деле, и он завтра снова её увидит?

Вначале он решил, что перед свиданием выпьет для храбрости пол стакана самогонки, но потом передумал. "Буду брехать, как Петро Олейников в кинофильме "Семеро смелых".

Его размышления прервал звук, который получается, если по поверхности воды сильно ударить доской. На лодке Обезжиренного уже не было, а шахтеры виновато смотрели на расходящиеся по воде круги. Наконец кто-то догадался протянуть тонущему принцу весло.

Запахло дымком: это рыбаки возле устья ручья разожгли костёр. У мелководья пацаны завязывали майки, битком набитые раками, и собирались домой. Сейчас Миколу был симпатичен даже гроза посёлка хулиган Колюня, которому на берегу вязали руки. С помощью одних только ног, он на спор в очередной раз собирался переплыть пруд. По воде к противоположному берегу, будто гигантские пальцы, потянулись длинные тени. Лодочник уже скликал с пристани запоздалых гребцов. Вечерело. Микола выбрался на дорогу и, быстро размахивая руками, зашагал домой.

Выйдя на шлях в степи, он с удовольствием, как впервые, слушал пение сверчков, любовался виражами снующих в воздухе летучих мышей. Неожиданно рядом в клубах пыли остановился «ЗИЛок». Из кабины белозубо улыбался шофер: бывший пограничник Алешка Зоря. Нет ничего приятнее, чем проехаться ясным летним вечером в кузове грузовика по степной дороге. Миколе нравился запах тёплой кабины, дурмнящий аромат разнотравья в балках... Когда машина остановилась у его дома, багровый шар уже коснулся горизонта. По улице с выпаса шли коровы и сами заходили в свои дворы. Одинокую, хрупкую фигурку на лавке у ворот Микола узнал ещё от поворота. Хотелось как-то приласкать мать, но он стеснялся таких "телячьих нежностей".

— Дэ ты був?

— Та... задержался. Ма, вы постирали мою голубу соколку?

— Ще вчора. Борщ исты будэш?

— Большую мыску, а сыворотка є?

Рисунок автора

В ту ночь Лётчику снились цветные сны. Сначала он, ростом с курицу и в цыганских сапогах, ездил по своему подворью на лопате с навозом, в которую был запряжен горбузарев петух с лицом хозяина и с папиросой в зубах. Микола подъезжал к очередной курице и заговорчески, как пароль, спрашивал: "Вам не нужен бесплатный навоз с червяками?" Несушка деликатно выклёвывала лакомство и вежливо благодарила. Он не больно стегал кнутом Гор-

бузаря, и после того, как тот говорил: "От винта!" — с чувством исполненного долга они ехали дальше.

А под утро ему приснился цветущий, благоухающий сад. Всё вокруг было залито мягким желтовато-оранжевым светом. Утреннее солнце всеми цветами радуги отражалось в мириадах росинок, которые были всюду: в воздухе, в диковинных цветах, на коре деревьев. Над садом гудели шмели, и Микола летал вместе с ними, а может, был даже одним из них. Но главное, в это время он испытывал такое острое чувство свободы и счастья, о существовании которых даже не подозревал.

* * *

Для Миколы это было будто продолжение сна. Казалось, ещё немного — и он взлетит. В ушах свистел ветер, а за спиной пузырилась любовно выглаженная матерью голубая рубаха. За шуршащими шинами, как за реактивным самолётом, в лучах выплывающего из-за горизонта солнца клубилась пепельно-карминовая полоса. "Ничего-ничего, я ещё покажу им мёртвую петлю Нестерова...". Ни разу не притормозив на спуске, позванивая велосипедными ключами, он сходу выкатился на брусчатку, выложенную ещё военнопленными немцами. Справа от дороги тянулись колхозные поля, а слева до самого байрака стелилась не тронутая плугом холмистая степь. Солнце поднималось всё выше, и бегающим вдоль дороги жаворонкам, этим степным солнцепоклонникам, уже не терпелось взлететь ввысь и затянуть свой вдохновенный гимн ему.

Микола выехал на последний перед посёлком бугор и остановился. Подняв к солнцу подбородок и закрыв глаза, попытался вспомнить свой утренний сон. И удивительное дело. По мере того, как он постепенно переносился в сказочно-чудесный мир, душа наполнялась почти тем же неопишуемым восторгом.

"Так значит, вот оно какое, счастье. А шо если в жизни его не бывает, а только во сне? Та не... я ж вспоминаю и чувствую его сейчас, наяву. Главное — не забыть сон".

Перед комбинатом, над фонтаном, в ветвях берёзы ворковала горлица. Микола впервые приехал на работу на велосипеде и решил до конца смены оставить его в ламповой. Он мечтал о такой машине давно, но только неделю назад стал счастливым обладателем одного из двух привезённых в скобяной магазин красавцев. Пропустив в дверях выехавшего на-гора взрывника, напевая под нос "Кубинский марш", Лётчик вошёл в «ламповую». Вот сейчас девчата увидят его с велосипедом, и только ахнут.

— Куба, любовь моя,
Это идут бар... буд...

— Бум!! Из глаз Лётчика посыпались искры, велосипед звякнул о стену, а сам он улетел под стол ламповщицы, которая успела только ахнуть.

Через мгновение, сцепившись, они с взрывником уже катались по полу.

— Ты зачем мой велосипед взял?! — хрипел взрывник.

Микола никого в жизни ещё не бил по лицу и теперь, со слезами на глазах то ли от обиды, то ли от напряжения, лишь сопел и мёртвой хваткой душил противника.

— Та я ж переставила твой велосипед во «фляговую»! — суежилась перепуганная женщина.

Их удалось растащить, только когда в «ламповой» появился участковый Дронов, от которого разило одеколоном "Красная Москва" и сапожным кремом.

— Товарищ взрывник, я штрафовал вас на три рубля за то, что вы послали на нецензурное слово ламповщицу Людю?

— Ну, штрафовали...

— А теперь я вас штрафую на пять рублей.

— А чего он к велосипеду такие же ножки от стула привязал?!

Пока Микола сидел с приложенным к глазу прохладным самоспасателем, из «фляговой» вывели близнеца его велосипеда. К багажнику для увеличения площади были привязаны две точно такие же гранёные ножки от стула, как и у Миколиного велосипеда — в скобяном магазине других стульев не продавали.

В коридоре Лётчик долго, во всех позах крутился перед окошком «тормозковой», тщетно стараясь разглядеть в стекле, большой ли синяк под глазом. "Вот как теперь на свидание ехать? Придётся сбрехать, что когда крепил кровлю, на глаз упала порода.

В штреке, когда он подошёл к своему электровозу, Наливайко уже ковырялся в дренажной канавке.

— Шо ты там делаешь?

— Та от, ключ ищю, забодай его комар... А-а!

Внезапно он выдернул из тины руку, и у ног Лётчика между рельсами шлепнулось что-то живое.

— Шо это меня укусило? — Наливайко внимательно рассматривал свой палец.

Микола с коногонкой³ в вытянутой руке осторожно присел на корточки.

— Ты посмотри... — он не верил своим глазам, — так это ж настоящий живой рак. Щас, подожди...

Он бросил рака в резиновое ведро с песком, быстро снял телогрейку и, закатав до плеч рукава рубахи, почти по колени утопая в чёрной жиже, полез в канавку.

— О-о-о... И-ды сю-ды... Этот крупный.

— А что вы там делаете? — к ним уже подошла бригада с участка.

— Не мешай, — Микола даже не повернул голову, — не видишь — раков ловим?

Он не считал себя рыбаком, но сидящий в каждом мужчине охотничий азарт уже овладел им.

Заглянув в ведро, часть бригады присоединилась к рыбакам, а вторая, скептически ухмыляясь, решила не форсировать события.

— На три метра я участок забил!

— Та свети ты сюды, тут под аркой шевелился!

— Вот он!! Ох и клешня...

— Та отпусти мои пальцы, черт свинячий!

— Хлопцы, кажись, карась ушёл...

С «кареты» подошли ещё люди во главе с начальником смены.

— Что это вы здесь делаете? Какие раки? На глубине двести метров? Чья это затея? Смену мне решили сорвать? Николай! И мы тебе еще собираемся рекомендацию в партию давать?!

— Та я и сам...

³ «Коногонка» — светильник: аккумулятор (на поясе) с лампой на каске. Во времена, описанные в повести, представляла собой нечто, похожее на небольшой фонарь «Летучая мышь» с крючком для подвешивания.

— По выезду зайдешь к директору!

Микола поискал глазами Наливайку, но тот, довольный удавшимся розыгрышем, вытянув шею, выглядывал уже из хода.

В ту смену транспортники едва успевали ставить порожняк под участки. Забойщики и проходчики чуть ли не дрались за свободные лопаты и отбойные молотки, а тормозки попросту выбрасывали на конвейер, не желая тратить на эту мелочь дорогое время.

Только в самом конце смены Микола остановился с партией груза недалеко от ствола. Передали, что на опрокидывателе вагонов, видимо, не выдержав такой нагрузки, сгорел двигатель. Слесари там уже работали, но было очевидно, что до второй смены его не заменят.

«От уже... Нашёл, где стать...». В глубине тёмной ниши угадывались очертания небольших ворот. Сам не зная для чего, будто против воли, он подошёл к ним поближе. Весь металл был глубоко изъеден, покрыт пузырями ржавчины, подтёками слизи и плесени и напоминал кожу какого-то мерзкого доисторического животного. Эта старая выработка за воротами пользовалась дурной славой у шахтёров. По словам старожилов, после войны в ней повесился один из лучших забойщиков шахты. И вообще, там происходило что-то необъяснимое и страшное. Микола в чертовщину не верил, но и он с некоторых пор стал замечать странные вещи. Вдруг, ни с того ни с сего, на этом месте начинали буриться вагоны, или гасла коногонка.

Раньше перед воротами была шлакоблочная перемычка, но сейчас над ними чернела широкая щель, в которой шевелилась свисающая с кровли паутина. "Откуда здесь воздушная струя?" Его тянуло в загадочную темень, как магнитом. Поставив ногу на приржавевший к петлям амбарный замок, он приподнялся и, как в могильный склеп, заглянул в проём. В нос ударил запах гниющей древесины. Нависающие ослизлые глыбы отбрасывали от коногонки причудливые тени.

Внезапно Миколу в голову пришла безумная идея. Однажды в детстве его воображение поразили невиданные окаменевшие растения в кусках породы, которые принес с шахты отец. Он вспомнил узор ажурных листьев с мелкими крапинками в них, и ему вдруг до такой степени, будто от этого зависела вся его дальнейшая жизнь, захотелось подарить подобный каменный цветок своей незнакомке. А его можно найти только здесь, ведь тогда проходили именно этот пласт у ствола. Откуда была такая уверенность? Этого он сказать не мог.

Сняв телогрейку, Лётчик с трудом протиснул узкое жилистое тело в щель под кровлей и на руках опустился в пугающий мрак. Прежде всего, на случай бегства, приставил к воротам полусгнившую шпалу и, подняв повыше коногонку, с опаской двинулся вперед. От высокой влажности в выработке стоял туман. Вся кровля и стойки были усеяны сверкающими капельками воды. Кое-где с боков белой пеной свисали наплывы диковинного шахтного гриба.

Ещё рассказывали, будто когда-то в этом бремсберге обнаружили трупы газомера и лампоноса. Судя по позам и совершенно седым головам, спасались они от чего-то, внушающего смертельный ужас.

"Лезет в голову ерунда всякая". Обходя давно вывалившуюся, покрытую толстым слоем пыли огромную глыбу, он внезапно замер. "Хто это?.." Только что впереди отчетливо слышались чьи-то шаги. Глаза лихорадочно шарили по сторонам. Рядом кто-то дышал... Не решаясь оглянуться, Микола медленно поднял вверх глаза. Над головой зловеще зияла пустотой широкая дыра. Возле неё на мокром, ржавом швеллере вдруг налилась капля и засветилась красным огоньком. „Кровь?!" Где-то глухо колотилось сердце.

— А... — открытым ртом, будто задыхаясь, он судорожно втянул воздух.

В нескольких метрах от него, в нише, кто-то стоял. Голова была в тени, но прыгающий свет коногонки выхватывал из тумана длинную засаленную телогрейку. Внизу тускло блеснул носок сапога. Дрожа всем телом, не в силах пошевелиться, Микола с ужасом ожидал роковую развязку.

— Бульк... — гулко, как в огромной пещере, разнесся звук от упавшей в воду капли.
"Висельник... Вон и второй сапог валяется... А где голова?"

Постепенно он рассмотрел, что на распиле, как на плечиках, висит рваная фуфайка. "Бежать отсюда быстрее. А как же каменный цветок?" Его немецкой коногонки на час еще хватит. Но за чёртовой телогрейкой часть кровли уже смяла верхняк и, выгнувшись дугой, грозила в любой момент обрушиться! Все его надежды рассыпались в прах.

"А как бы она обрадовалась..." Напоследок, он присел под нависшим коржом и, пытаясь рассмотреть боковые породы, вытянул руку с коногонкой как можно дальше. Из мрака дразнил своей недоступностью обнажившийся ствол окаменевшего дерева. И вдруг, решительно и осторожно, как под брюхом дремлющего динозавра, Микола пролез под верхняком. Поставив лампу, стал быстро расщеплять пластинки осыпавшегося сланца. Затем потянулся к кровле. Было похоже на то, что его кто-то направлял, как в детской игре: тепло, ещё теплее... Негромко щёлкнуло, будто переломили сухую ветку, и он понял, что не успел. В следующий момент какая-то сила бросила его под стойку, где, втянувшись в телогрейку, как черепашёнок в свой мягкий панцирь, он всеми силами старался стать ещё меньше, чтобы забиться в какую-то щель и там переждать этот адский грохот.

Лётчику повезло. Он родился во второй раз, но родился слепым, как котёнок. Задыхаясь от пыли и безуспешно пытаясь успокоиться, дрожащими руками разбирал обломки породы в поисках коногонки. Но что это? Неужели... Снова и снова он гладил непослушными пальцами один из камней, который затем положил за пазуху. Микола сразу узнал ребристые листья папоротника, его выпуклые семена. Ему показалось, что он сумел нащупать там даже отпечаток бабочки. Если кто-то даёт ему это вопреки здравому смыслу, то неужели не поможет в такой малости... В том, чтобы выбраться отсюда.

Коногонку он нашёл, как и предполагал, разбитой, и взял лишь для самообороны. Ощупав весь завал, решил, что самому не справиться, а помощь может опоздать — к тому времени здесь наверняка скопится газ.

Дважды он пытался уйти на ощупь и дважды, сбившись с пути в завалах и перейдя к противоположной стенке бремсберга, возвращался назад, пока не понял, что ходит по кругу. Затем, обливаясь потом, долго шёл вверх по какому-то уклону, ощупывая бок выработки и иногда слизывая с него воду. Наконец, пройдя в подземных лабиринтах все круги ада, он упёрся в новый завал. Израненный и обессиленный, забился в угол старой вагонетки и затих. Ему хотелось хоть ненадолго забыться. Кошмары не страшили. Страшила действительность, которая, он знал, и есть его самый ужасный кошмар.

"Боже..." Микола вспоминал свои прегрешения и обещал ему и себе, что если выживет, всё будет по-другому. Он не знал, что мать отмаливала его грехи и каждый день крестила, уходящего на работу, вслед.

Проснувшись от отвращения, которое вызывал сладко-приторный, отдающий мочёй запах, он долго не мог сообразить, где находится. Что-то щекотало шею...

— А-а!! — он пулей выпрыгнул из вагонетки и чуть не упал, наступив на живой ковёр из крысиных тел, который вмиг покрыв и его. Тут же, запрыгнув обратно, вслепую крушил их коногонкой направо и налево, стараясь погромче стучать о борта. Он представил вокруг

себя тысячи светящихся, уставившихся на него глаз, и стал содрогаться в конвульсиях тошноты. Вспомнились рассказы об огромных, величиной с небольшую собаку, крысах, обитающих здесь, о найденных человеческих скелетах, обглоданных ими... Дышать становилось всё труднее. Временами он впадал в беспамятство, затем, приведенный в чувство бросавшимися на него крысами, начинал стучать снова. Сколько длились эти провалы сознания — часы или мгновения — он не знал. Однажды его привело в себя очередное обрушение, произошедшее рядом, но почти не испугало.

Забыв о крысах — они, видимо, ушли из-за газа — Микола сумел попасть в свой цветущий сад, и летал там — рука об руку — с незнакомкой. Но теперь он придумал ей имя. Называл Ритой.

Напоследок, Лётчик сделал несколько глубоких вдохов и удивился, что долго не умирает. В разряжённом, загазованном воздухе вдруг появилась свежая струйка — тоненькая, как ниточка. И тут же он увидел... Нет, это был не свет. Это был только намек на него. Он вылез из вагонетки и, не отводя глаз от едва заметного пятна, пополз к нему на четвереньках. Под верхняком Лётчик нащупал отверстие и с трудом в него протиснулся. Дальше продвигался к зовущему, как мираж, свету то ли по старому заваленному шурфу, то ли по звериной норе. Выталкивая перед собой суглинок, как крот, вылез на поверхность.

Ослеплённый яркой зеленью и оглушённый птичьим щебетом, он ещё долго приходил в себя на склоне лесного оврага в заросшей крапивой воронке. Затем вдруг встрепенулся, с испуганным лицом похлопал себя по животу, но тут же облегченно вздохнул и достал из-за пазухи плоский камень. Впервые рассмотрев свой цветок, Микола слегка расстроился: "Батько красивший приносил. Може, ей и не понравится..."

Но в глубине души он гордился собой и представлял различные варианты их встречи с неизменно счастливым концом.

* * *

Уже битый час в крайнем смятении Микола крутился на опушке леса, не решаясь от неё отходить далеко. Невероятно, но в этих краях он был впервые. К лесу, захламлённому заграничными бутылками и банками, вплотную подходил явно не советский город. Яркая реклама на стенах домов, диковинные автомобили, люди за столиками в цветных трусах, визгливая музыка — все было чуждое и враждебное. Собаки на поводках — и те были похожи то на чертей, то на поросят. "Неужели Америка? Вон и безработные в мусорнике роются. А небоскре-е-бы..." Придерживая за козырёк сползающую с головы ссохшуюся фибровую каску, Микола насчитал четырнадцать этажей! Конечно, того, что американцы за сутки заняли СССР, у него и в мыслях не было. Да и когда бы они успели все это построить? Выходило, что он сам оказался в Америке. "Сошел с ума? Нет. Ум есть. Под землёй везде советские шахты? Нет. Усыпили и...? Та не..." Он заметил, что начинает привлекать к себе внимание. "Шо, давно чёрного негра не видели? Конечно, у них работа в шахте только для белых. Денежная же. Шо ж робить? Искать коммунистов? Придётся, наверно, пробиваться на Кубу — к Фиделю Кастро".

Увидев курящих за столиком уличных девиц, он вдруг подумал, что на прощанье интересно было бы хоть одним глазом взглянуть на публичный дом. "А ещё советский комсомолец..." И чтобы отогнать возникающие в его воображении похабные картинки, он стал глотать слюну, стараясь представить миску аппетитного борща, сало с часнычком, любимые вареники с вишнями... Но румяное сало вдруг начинало утопать в кружевах и на глазах превращаться в розовый кусочек женского тела.

К лесу свернул уткнувшийся в книжку очкарик, и Микола стал срочно вспоминать английский язык. Когда американец поравнялся с ним, Лётчик с поклоном, но не теряя достоинства, выговорил:

— Хау дую ду, чилдрэн!

На этом словарный запас английского закончился и он, подстроившись под шаг «профессора», вполголоса и почему-то с акцентом немецкого военнопленного спросил:

— Товарищ, я есть заблукавший шахтёр из Советского Союза. Это случайно не Америка?

На что тот, не замедляя шага, со вздохом промолвил:

— Нет. Это не Америка, масса Дик. Это Африка.

Микола был озадачен. "Тю, малахольный. А откуда ж он русский знает? Перебежчик?"

В целях конспирации какое-то время Лётчик решил переждать в лесу.

— А ты шо тут сидишь, як пигмей у засади? Дома робить ничего?

Перед ним, подбоченившись, с кнутом в руке, стояла какая-то толстая баба в коричневом, засаленном на животе вельветовом халате. Он посмотрел по сторонам, но кроме них и коровы, жующей лопухи, на поляне никого не было.

— Бабушка, вы, мабуть, обознались.

— Ах, ты ж стэрво собаче!

— Женщина, покультурней выражайтесь!

— Я тебя сичас так культурно!..

Микола не стал ждать. Забежав за корову, он уже выглядывал между ее рогов, напоминая своей каской рыцаря с Ледового побоища.

— И шоб пока я знайду козу, загнав корову и дав кабану, шоб вы повыздыхали!

Страшная баба, как дрессировщик в цирке, со звуком, похожим на пистолетный выстрел, стегнула корову, и та побежала вверх по лесной тропке. Следом, придерживая рукой каску и подпрыгивая, чтобы не наступить на длинный коровий поводок из транспортной ленты, бежал Лётчик.

Только когда корова перешла на шаг, он, отдышавшись, попытался собраться с мыслями. "Шо то було?.." Отчего он так испугался ту сумасшедшую?

Его начинали донимать перелетевшие с коровы слепни, но Лётчик не мог отвести глаз от ржавой рельсы, торчавшей из слежавшегося штыба.

Выщербленная, с гнутой «пяткой»... Он готов был поспорить на что угодно, что сбоку на рельсе выбиты четыре буквы. Так и есть: ЮРГО. «Южно — русское горнопромышленное общество». Не хватало лишь заросшего бурьяном и шиповником бугра: всего, что оставалось от одной из первых в этих краях дореволюционных шахтёнок. Степной шлях, по которому еще два дня назад Микола ехал на работу, сейчас масляно блестел асфальтом. У него путались мысли. Неужели это не наваждение?

Зажав в руке каменный цветок, он бежал к дому отдыха, еще надеясь, что там всё осталось по-прежнему.

Вот уже просвет в деревьях... Еще немного... То самое место.

Едва взглянув на набережную, он изо всех сил зажмурил глаза. В них, как на негативной плёнке — где меняются местами свет и тень — отпечаталось чёрным небо, нависшее над белой, как бы выжженной землёй. Чёрный бетонный мальчик отбитыми руками уже не обнимал ни кого. Полуразрушенная лестница не вела ни куда. Оглушительно квакали лягушки. Будто подчиняясь невидимому дирижёру, они то замолкали, то вновь затягивали заунывный реквием.

— Боже, пусть это будет кошмарным сном, — он открыл глаза, но чуда не произошло. В грязно-зелёной воде отражались бегущие по небу тучи. Возле костра что-то коптили люди, похожие на призраков.

На ослабевших ногах Микола подошел к воде и упал на четвереньки. Низко опустив лицо, долго всматривался в своё отражение. Начал накрапывать дождь, и он прикрылся рубахой, но рассмотреть седого, морщинистого старика мешали капающие на воду слёзы. Как?? Он же еще не жил! Он ведь только собирается жить!

Лётчик нашел заросшую крапивой воронку, но вход под землю оказался заваленным.

"Вот и всё", — он оценивающе смотрел на дубовую ветку, напоминающую огромную птичью лапу. "Выдержит?..". Его руки медленно, очень медленно растёгивали самодельный брезентовый ремень. Но это ведь будет не сразу, а через несколько минут. Куда спешить? Из рваной штанины, больно ударив по мизинцу босой ноги, выпал камень. Микола потухшим взглядом посмотрел на кусок породы, затем ногой перевернул его вниз рисунком. Вдруг подумал о матери. Сознание того, что он не успел сказать ей что-то самое важное, было тягостным и жгло мозг. «А может, она ещё жива?»

Опустив голову, брёл он по мокрому парующему асфальту домой, не зная, есть ли у него тот дом. Вечернее солнце светило, как и два дня назад, но уже не отражалось в облупившемся, засиженном воробьями памятнике Ленину.

Посреди своего двора, мало изменившийся внешне, но непривычно трезвый Наливайко насаживал на ось тележки старое, ржавое колесо. Культёй указательного пальца он ловко подцепил из банки солидол.

— А, Колёк, забодай тебя комар... Заходи. Опять в бане воды нема? Ты шо, бумажную каску получив, чи хипуешь? Давай купайся, и пойдём по капусту. Я ж из сторожами вчера договорился. Чи ты забув? А тут Раюшка тебя уже искала.

— Какая Раюшка? — Микола насторожился.

— Твоя. Корову в лес погнала.

— Так это в лесу была... — он застонал, как от зубной боли. — А кто у меня ещё есть?

— Свина, индыки...

— Слухай, Петро... — и он, как единственно близкому по той жизни человеку, рассказал всё, хотя и видел по глазам, что тот не верит.

Оказалось, Наливайко помнил, что сорок лет назад Лётчик провел четверо суток под завалом, пока его не спасли.

— Петро, ты ж никому...

— Могила... забодай меня комар. А може, ты заспав? Сколько я тебе гривень должен? То я шуткую — проверка памяти.

— Слухай, а мать ещё жива?

— Поховалы давно.

— А как я вообще жил? — Лётчик заглянул в глаза приятелю.

— Ты жив — я тебе дам! Правильно жив. Мой домашний командир, бывало, каже: смотри, как правильно Микола-лётчик живэ. Хозяйство, аренда... Дочкам квартиры купив: зятя-то не дуже путёвые.

Отвернувшись, будто что-то рассматривая под крышей, Микола чуть слышно спросил:

— Лётчиком не был? — и замер...

— Чего не было, того не было, брехать не буду. Но зато супруга у тебя, Раюшка — золото, забодай её комар. Ты с ней — как за каменной стеной... Сынок е, забодай его комар. Був — «шёлковый». Закончив горный техникум, работав уже замом Горбузаря. И вдруг став ругаться

з начальством. Чего ему не хватало? Сейчас пасёт коров на Кабанячем, а зимой робэ кочегаром. Ну, это ему пороблэно, я знаю. Нужно к бабке сводить. Став крепко выпивать. Раз чи два в год берёт ящик водки и пока нэ выпье... Жинка выгнала. Ты шо, и внучку забув? Та така ж красива та умна...

— А где я вчера был?

— Та у Горбузаря ж навоз раскидав.

— Може, то позавчера было?

— Та не, вчера.

— А шо, Лукич ще живой?

— Та не, это ж его сынок начальником: Леопольд Горбузарь, забодай его комар.

— А нашо ты шелковицу срубал?

— Та мой домашний командир сказав, шо картошку затиняе.

Слушая Наливайку, Микола чувствовал себя преступником. Ну, какой он дед? Какой отец взрослых детей, если сам ещё парубок. Что он им скажет? Может, притвориться? А как подойдёт к этой чужой, пожилой женщине? И теперь до конца жизни не прикоснётся к молодце?! Та й жизни той осталось...

— Слухай, Петро, когда она придёт, сбреши, шо я у дитей.

Лётчик долго ворочался за Наливайкиным сараем, мучительно пытаясь вспомнить свой последний сон. Сад он видел, но только чёрно-белым, не испытывая в душе даже подобия бывшего восторга. «Забыл...». Даже лицо незнакомки виделось теперь, как сквозь запотевшее стекло.

Наконец усталость взяла своё. Решив утром идти в шахту на то "чёртово место", он подложил под голову охапку сена и провалился в тревожный сон.

Его разбудил недовольный собачий лай, когда небо уже серело. Над калиткой маячила чья-то голова, и Лётчик, опасаясь, что собаки разбудят весь хутор, решил выйти.

За двором стоял босой, давно не бритый мужик.

— Батя, выручи...

— Идить дядьку, хозяев нема дома.

И Микола хотел уже уходить, но путник вдруг стал медленно опускаться на колени, не отводя от него заглядывающих в самую душу, умоляющих глаз.

— Не гони меня. Займи у дядьки Петра рубль, или одеколон. Я верну. Не могу я идти к матери. Что же мне теперь, вешаться?

Поднимая беднягу, Микола заглянул в его лицо и, как в зеркале, увидел себя. Неужели это его сын?

— Хватит тебе уже. Нету ничего у меня... Чего ж ты так розбалувався? А ще горный техникум кончав!

— А ты хотел, чтобы я таким, как Горбузарь стал? Это вы власть развратили! Такие машинисты, как ты — послушные и бездумные — ради директорского плана возят под ствол уголь пополам с породой.

— С какой породой! Ты шо, родного батька с вредителями Родины ровняешь? А вы шо сделали? Шо вы можете? Ленинам руки отбивать?

— А ты на кого всю жизнь работал? На начальников да двух зятьёв? Ты ни разу моря не видел! У тебя даже пылесоса никогда не было. А-а! — он махнул рукой и нетвердой походкой пошёл вдоль дворов.

"Може, Петро дав бы рубль? Окликнуть?" Но он не знал даже, как того звать. Да он уже и скрылся из виду. Но что-то грызло душу.

— А нихай не пьёт! — разозлился Микола, и опять забрехали собаки.

Уже рассвело, а он всё не мог успокоиться. «Пылесоса нет... Так его даже у директора шахты нет! Може, щас купил?».

* * *

У входа в комбинат красовалась новая вывеска. Теперь вместо "Заря коммунизма" шахта называлась «Заря», но ниже на стекле было нацарапано: капитализма.

В «нарядной участка ВШТ» происходило невиданное событие: всегда безотказный Микола-Лётчик неожиданно для себя и всей смены, голосом, срывающимся от волнения, вдруг отказался выполнять распоряжение начальника участка.

— Не пойду я больше на вашу усадьбу — я вам не слуга.

— Хорошо... — поспешил замять неудобный для него разговор Горбузарь-младший. — Под землю хочется? Пойдёшь сегодня заряжать батареи.

— Я не электрослесарь. А если шо-то случится — отвечать мне? Нет, пойду только на электровоз.

— Грамотные все стали... Только, как вы без премии запоёте! — Раздражённо бросил начальник. — Все свободны. Наливайко... задержись.

Электровоз стоял на том же месте в штреке, где и три дня назад.

Микола ехал под грузовой ствол и улыбался. После разговора в «нарядной» он испытывал приятное чувство самоуважения и уверенности в себе. Представлял, как после смены выведет из комбината свой велосипед и помчится на свидание. Но когда увидел наглухо заложенный шлакоблоком вход в старый бремсберг, то растерялся и не сразу сообразил, что будет делать дальше.

С трудом дождавшись конца смены, он выезжал на-гора вместе с Наливайко. На посадочной площадке его удивило, как черноликая, в изорванных телогрейках и демисезонных пальто, толпа втискивалась в «карету» вместе с мешками угля, распилами, металлом. Казалось, места больше нет, но весь товар непонятным образом размещался, будто вагоны были резиновые.

— Петро, так это ж расхищение государственной собственности.

— А ты шо, директор? Забодай его комар. ОНИ вагонами вывозят, а мне на бутылку и мешка не можно? Мы шо, голубые... чи это... рыжие? Та ты ж сам дочкам для «буржук» возишь!

— Та ты шо? — искренне удивился Микола.

— Та воры ж у власти... придержи мой мешок. Раньше мы знали, шо одной партии надо подчиняться, забодай её комар. А теперь кому? Сколько их понаробылы?

Снизу по ступенькам поднимался кто-то ещё.

— Тебя шо, перенести, чи шо? Шевели копытами! А, Витёк, то ты... Я держу "карету".

— Подождите, там еще Плюмбум сумки тащит.

— Петро, а Плюмбур это хто, родыч Мицэрмахера?

— Не, какого-то Менделеева. Он свинец из шахты выносэ. Знаешь, за него сколько щас дают в приёмном пункте?

Наконец, скрипя канатом, «карета» поползла вверх.

На поверхности Лётчик зашёл только в ламповую, где впервые в жизни совершил воровство. Ставя на стол свою коногонку, улучил момент и быстро сунул под телогрейку другую — заряженную.

Лиха беда начало. Дома украл ещё лопату, гвоздодёр, десяток огурцов, и со всем этим отправился в лес. Там, прежде всего, нашёл каменный цветок и бережно завернул его в тря-

пицу. Копал почти без отдыха. Вечером принёс из лесничества жерди для лестницы, гвозди нашёл на свалке, оттуда же притащил и жёсть. Кроме того, недалеко — в балке — обнаружил целый штабель метровых брёвен, оставшийся после чистки леса. Всё это он собирался использовать для крепления своей выработки. Нужно было спешить. Если они с Наливайко не напутали, то меньше чем через сутки его должны откопать.

Когда стали попадаться камни, Микола расшатывал их гвоздодером и в дырявом ведре поднимал наверх вместе с остальным грунтом. Свет он экономил, благо луна — помогая ему — светила вовсю. Иногда, выбившись из сил, ложился на прохладную землю, смотрел на звёзды и размышлял. Неужели прав его сын, и от него — Миколы-Лётчика, маленького человека — каким-то образом зависят властвующие? И его житейское счастье не в богатом хозяйстве, и даже не в жене и детях? Ведь сейчас он их терял, и всё рассыпалось. Значит, человек рождается ещё для чего-то, что остаётся с ним всегда?

Микола задремал, но вдруг в ужасе вскочил и тут же принялся за работу. Приснилось, что он опоздал, спасатели его не нашли, а после их ухода выработку завалило окончательно.

Когда солнце перекатилось уже на вторую половину дня, в шурф, распространяя запах свежего перегара, заглянул Наливайко.

— Колёк, это я, забодай его комар. Санитаров ще нэ було?

— Каких санитаров?

— Говорят, кто-то на тебя в дурдом заявил. Та ты не бойся, бо у них нема бензина. — Он подхватил из рук Миколы наполненное ведро. — А я тут проходил... на вот... — он неуверенно сунул Лётчику в руку какую-то бумажку, — Передашь ТАМ мне. Може, воно и того... А если не... то у тебя завтра вторая смена. Чуть нэ забудь. Если поймають, ты это незаметно так выкинь, чи зъишь. — Можэ, бензин у дурдоми знайдуть, — пробурчал он себе под нос. — Ну, бувай.

После того, как они неловко попрощались и Наливайко скрылся за деревьями, Микола прочитал записку:

"Петро, это я трошки постаревший Наливайко. Слухай. Возьми с полочки ящик водки на нашу смерть и закопай под шелковницей бо денег не будет и комунизмма тоже бо нас обдурили и есчо головку до нашево примуса. А палец на 13 горизонти у лебедку не суй бо регрес не заплатили. Слухайся Лётчика, писал Петро Наливайко".

Вскоре после этого лопата провалилась в пустоту, и он вместе с осунувшейся породой очутился в уже знакомой выработке. Над одинокой, непонятно как оказавшейся здесь вагонеткой, каким-то чудом держалась провисшая кровля. Оставив лопату, Микола бросился наверх за каменным цветком. «А они думали, шо я уже не сделаю мертвую петлю».

Первое, что он увидел, высунув голову над поверхностью — были голубые, с облезлыми носками, детские сандаlette. Затем худые коленки со свежими ссадинами. Он поднялся ещё на пару ступенек, и оказался лицом к лицу с девочкой лет шести, которая обеими руками держала перед грудью газетный свёрток. Шмыгая облупившимся, как сандалии, носом, она широко открытыми светлыми глазами доверчиво смотрела на Миколу и как-то жалко улыбалась. Он взял из её рук тормозок и привлёк девочку к себе. Будто только этого ожидая, она обвинила его грязную шею руками и, крепко прижавшись к нему воробыным тельцем в застиранном сарафане, прошептала в ухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.